

Ю. П. Страгис

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ К. МАРКСА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Экономическая теория ничему не учится
у экономической истории и, обогащая последнюю,
одновременно извращает ее.

Роберт Солоу

Экономическая история изучает фактическое развитие мировой и национальных экономик в течение всех предшествовавших периодов и до текущего момента. Для лучшего изучения необходимо развивать не только экономическую теорию, но и методологию. Поскольку в последние годы постоянно изменялись экономическая теория и методология исследований, следует также изменить методологию и теорию в экономической истории. Длительное время в советской экономической науке господствовали методология и теория К. Маркса. Признанной основой этой теории была теория трудовой стоимости. Именно на ней покоится вся теоретическая система Маркса. Для перехода к новой теории и методологии мало просто отбросить марксизм как отжившую науку, как это сделали многие позитивисты¹. Нельзя просто объявить его теорию стоимости чепухой, не имеющей никакого значения. В противном случае она будет возрождаться при каждом повороте истории, внушая напрасные надежды своим сторонникам. Анализ теории ценности в соотношении с задачами экономической истории был начат автором настоящей статьи в 2003 году².

Приведем всего один факт экономической истории, который сам по себе уже достаточен для опровержения теории трудовой ценности К. Маркса. Здесь имеется в виду существование предметов, имеющих ценность и тем не менее не являющихся продуктами труда, а также предметов, чья ценность не имеет никакой зависимости от затраченного на них труда. К первой группе относятся имеющие меновую ценность участки земли, природные ископаемые, минеральные источники и т. п. Ко второй группе относятся все так называемые редкости, т. е. редкие книги, картины, статуи, особые сорта вин, работы выдающихся художников и мастеров и т. п.

Все перечисленные выше предметы обмениваются на другие блага точно так же, как обыкновенные продукты труда. Этот факт элементарен, и основатели трудовой теории ценности полностью его признавали. А. Смит и Д. Рикардо утверждали, что труд является основой меновой ценности только для одного вида благ – для благ свободно воспроизводимых. А причина ценности остальных благ лежит в их «редкости». Уровень этой ценнос-

ти меняется в зависимости от богатства и вкусов потребителя. Таким образом, Смит и Рикардо установили сразу две теории ценности: одну – для благ не воспроизводимых, другую – для свободно воспроизводимых благ. В этом случае факт существования «редких» предметов не опровергает трудовую теорию ценности, так как она относится только к одной разновидности благ. Но при этом радикально изменился характер теории: она отказывалась найти общую универсальную субстанцию меновой ценности. Теория ограничилась только определением ближайших причин, определяющих ценность отдельных видов благ.

При той постановке вопроса, которая есть у Маркса, такое решение невозможно. Маркс с самого начала признал *основой* ценности только то свойство, которое делает блага сравнимыми между собой. Это свойство должно иметься у всех благ без исключения. В противном случае либо блага, не обладающие им, не могли бы приравняться к другим, т. е. не могли бы входить в меновой процесс и обладать меновой ценностью, либо найденное общее свойство служит таковым только для одного вида благ, и, следовательно, для всех благ вообще должно существовать другое общее свойство, которое и должно быть действительной основой меновой ценности. Поэтому мы имеем право создать уравнение: 1 квартал пшеницы = a центнерам дикого леса = b гектарам целинной почвы = c гектарам пастбищ, т. е. общим свойством обмениваемых благ уже не может служить труд, поскольку в процесс обмена входят блага, на которые не было затрачено труда. К тому же выводу приводит факт существования меновых пропорций, совершенно не зависящих от сравнительной затраты труда на обменивающиеся блага. Например, хорошее вино стоит во много раз дороже плохого, хотя бы на первое было затрачено столько же или меньше труда, чем на второе.

Часто встречалась попытка обойти этот вывод. Уже Д. Рикардо попытался это сделать, указав на то, что «редкие» блага составляют крайне незначительную часть всей совокупности благ, входящих в меновой оборот. Поэтому их можно без большого ущерба отбросить в общей теории ценности. После сказанного выше бесплодность таких попыток явно очевидна. Ведь у Маркса разговор идет не об определении причин меновой ценности большинства благ, как у Смита и Рикардо. У него вопрос поставлен о «субстанции» меновой ценности, о том «общем», что только и позволяет благам приравняться друг к другу, что, следовательно, составляет непереносимое условие для существования меновой ценности вообще. Поэтому если хоть одно благо, обладающее меновой ценностью, не включает в себе того условия, которое необходимо для ее существования, это условие уже не может служить «субстанцией» меновой ценности. Поэтому также и труд не может служить такой «субстанцией», так как меновая ценность *может* существовать независимо от него. Вопрос о том, *в каких размерах* это происходит, с этой точки зрения абсолютно не важен³.

Однако мнение, что «редкие блага» составляют ничтожную долю всей совокупности благ, не только неуместно, но и неверно по существу. Надо вспомнить, что в состав этих редких благ входит земля и все ее естественные продукты, которые имеются в недостаточном для удовлетворения человеческих потребностей количестве. Тогда мы увидим, как многочисленны блага этого вида. Ценность земли – факт известный, и этот факт противоречит теории ценности Маркса. Это противоречие не ускользнуло от его

внимания. В отделе о земельной ренте в III томе «Капитала» он указывает, что ценность земли подчиняется совершенно особым условиям, а именно – она есть капитализированная земельная рента. Даже если допустить, что это верно, противоречие не устраняется. Ведь чем бы ни определялась ценность земли, но если налицо сам факт ценности, то из этого следует, что затрата труда на любое благо не является необходимым условием его меновой ценности. Поэтому единственное учение о ценности земли, согласующееся с трудовой теорией ценности, есть учение Кэри – Бастиа. По нему ценность земли полностью сводится на вложенный в землю труд. Но нелепость этого учения была ярко вскрыта самим Марксом. Маркс это понимал очень ясно, поэтому ему пришлось назвать ценность земли понятием иррациональным. «Капитализированная... земельная рента и образует покупную цену, или стоимость, земли, категорию, которая, на первый взгляд, столь же иррациональна, как и цена труда, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости»⁴. Легко понять, что этим не объясняется ничего. Если под ценностью земли понимать ее меновое отношение к другим благам, а под ценой – то же отношение, выраженное в деньгах, то эти выражения столь же «разумны», как и выражения «ценность аршина холста» или «ценность квартала пшеницы». Фактически имеется налицо это меновое отношение, а следовательно, имеет право на существование и его обычное обозначение. «Там, где нет ценности, она тем самым не может быть выражена в деньгах», – говорил Маркс. Но ведь в реальности некая площадь земли приравнивается к некой сумме денег, т. е. из приведенного тезиса следует, что земля *имеет* ценность, иначе она не могла бы быть выражена в деньгах. Приняв за данное то, что труд есть единственное условие ценности, Маркс должен признать «неразумным» понятие «ценность земли», что равносильно здесь признанию «неразумности» самого *факта* ценности земли, так как понятие точно соответствует факту. Такой способ анализа может быть объяснен только злоупотреблением фразеологией Гегеля и не может украсить систему Маркса. С точки зрения теории Маркса, не может быть дано однородного объяснения меновой ценности для всех благ без исключения.

Но все же предположим, что «учение о земельной ренте» действительно разрешит вопрос о меновой ценности земли, не нарушив правильности трудовой теории. Но как быть со всеми другими редкими благами? Какое учение о земельной ренте объяснит нам, почему товары определенных фирм обладают меновой ценностью, совершенно не пропорциональной затраченному на них труду? Какое учение о земельной ренте объяснит нам меновую ценность книжных и археологических «редкостей»? Какая теория ренты объяснит нам ценность картины знаменитого художника, в обмен за которую дают в тысячи раз больше труда, чем было затрачено на ее производство? Таким образом, мы приходим к выводу: факт ценности благ, на которые не было затрачено труда или у которых затрата труда никак не связана с их ценностью, не может быть согласован с трудовой теорией ценности. Критики могут возразить, что не может вообще существовать такая теория ценности, которая охватила бы две такие разнородные группы благ. В ответ можно показать, что такая теория может существовать, несмотря на все различия в характере этих двух групп благ. Эти разные блага все же имеют некоторые общие черты.

Мы уже отмечали, что Маркс упускает из виду многие общие свойства благ, которые можно было бы предварительно признать условиями меновой ценности. Одно из таких свойств – *редкость* благ по отношению к потребности в них. Этим свойством обладают все ценные блага без исключения, независимо от принадлежности к одной из двух групп. С одной стороны, меновой ценностью обладают только те земли и другие естественные блага, которые не имеются в неограниченном количестве. С другой стороны, труд затрачивается только на производство тех благ, которые нельзя найти в природе в достаточном количестве. Если в химической промышленности производят обыкновенный воздух, то он не будет иметь никакой меновой ценности. Редкость есть условие меновой ценности для всех благ. Как говорил К. Книс в своей книге «Der Kredit», «более точное рассмотрение показывает, что признак относительной редкости (по отношению к потребности) имеется, безусловно, у всех предметов, обладающих меновой ценностью, и что именно этот признак отделяет их от свободных благ, имеющих в излишнем против наших потребностей количество»⁵.

Данная концепция получает косвенное подтверждение в экономической теории, где уже давно утвердилось объединение всех благ, имеющих признак «относительной редкости», под общим названием хозяйственных благ, в отличие от благ свободных, которые имеются в неограниченном количестве. Известно, что только к первой категории благ относится вообще всякая хозяйственная деятельность – будь то производство, обмен или распределение. Также известно, что только эта категория и обладает меновой ценностью. Все это наводит на мысль – не может ли признак «относительной редкости» послужить основой для теории ценности, которая была бы приложима ко всем благам, обладающим меновой ценностью? Иными словами, не лежит ли в этом признаке то «общее» между всеми вступающими в обмен благами, которое лишь одно и допускает их уравнение между собой? Теории, которая видела бы общее свойство благ в их сравнительной редкости, следовало бы отдать предпочтение перед трудовой теорией ценности уже по тому, что ей не пришлось бы наткнуться на то препятствие, которое оказалось непреодолимым для последней.

Но предположим, что вопрос о существовании ценности у благ, не произведенных трудом, удалось как-то обойти, или трудовая теория поставила себе задачу объяснить меновую ценность только одних свободно воспроизводимых благ. И тут мы наталкиваемся на новое противоречие или ограничение ее: она объясняет только «среднюю» меновую ценность, ту точку равновесия, вокруг которой колеблются фактические рыночные цены. Эта теория заранее оставляет в стороне объяснение высоты рыночных цен, чтобы позднее путем введения усложняющих факторов объяснить *отклонение* фактических рыночных цен от той средней ценности, которая является единственным объектом ее рассмотрения.

Прежде всего напомним, что в теории меновой ценности не существует принципиального различия между «средней» меновой ценностью и «рыночными ценами». И первая, и вторые являются меновыми отношениями, а исследование направлено именно на определение их условий, т. е. объяснению подлежит меновое отношение как таковое. Следовательно, «рыночная цена» должна быть объяснена не менее, чем «средняя». Поэтому употребление особых терминов «меновая ценность» и «рыночная цена» для

обозначения разных видов меновых отношений с научной точки зрения совершенно *недопустимо*. Если мы в дальнейшем будем иногда пользоваться этой марксистской терминологией, то при напоминании, что все различия между «менной ценностью» и «рыночными ценами» исчерпываются тем, что первая есть некая средняя, получающаяся из колебания вторых.

Противоречит ли трудовой теории ценности сам факт существования так называемых рыночных цен, т. е. меновых отношений, не соответствующих сравнительной затрате труда на обменивающиеся блага? Приверженцы трудовой теории ценности обычно отвечают на этот вопрос отрицательно, что опирается на следующее методологическое соображение⁶.

Всякое явление, которое может служить объектом научного анализа, совершается под влиянием целой группы причин. В обществе, как и в природе, все факторы находятся в постоянном взаимодействии. К числу главных, основных причин, определяющих собой данное явление, всегда присоединяется масса второстепенных, которые затемняют проявление некоего закона в его чистом виде. Иллюстрацией этого тезиса является то изменение, которое вносит в закон тяготения наличие земной атмосферы. Поэтому для определения некоего закона нужно всегда отвлекаться от этих посторонних влияний. Например, статистика, несмотря на величайшее разнообразие факторов, влияющих на судьбу отдельного человека (например, на продолжительность его жизни, вид его смерти, совершение им преступлений), устраняет все побочные влияния путем выведения средних чисел для большого числа людей и может установить некие общие законы продолжительности жизни, различных видов смертности, преступности и т. п. Так же должна поступать и теория ценности. Она, отвлекаясь от мелких факторов, которые вызывают отклонение рыночных цен от средней меновой ценности, только следует общему методологическому *правилу* о постепенном переходе от общих условий к частным, от главного закона к второстепенным.

Против этой аргументации можно возразить следующим образом. Если каждое явление, в том числе и меновая ценность, находится под действием нескольких разнородных причин, то поиски «субстанции» меновой ценности, того свойства благ, которое является универсальным условием меновой ценности, являются безнадежным делом. В таком случае общей теории меновой ценности, чья задача состоит в определении такого единого условия, существовать не может. Следовательно, и трудовая теория ценности не может быть такой общей теорией. В этом случае трудовая теория превращается в тезис, что главной причиной ценности является труд. «Общее» между обменивающимися благами лежит уже не в одном труде, а и в других условиях, например, в отношении спроса к предложению или еще в чем-либо ином.

Еще существеннее то, что приведенная выше аргументация защитников трудовой теории смешивает два совершенно разнородных способа исследования явлений. Можно исследовать *эмпирические причины*, которые вызывают явление, т. е. обуславливают его наступление в каждом конкретном случае. Также возможно поставить вопрос: чем является само это явление, что лежит в его основе и составляет условие, без которого явление немисливо. Например, на вопрос о причинах падения тел на землю можно ответить перечислением всех причин, которые вызывают на-

ступление этого явления. Такой ответ обычно дают практики, не долго размышляющие над вопросом. Эти практики скажут, что тела падают на землю оттого, что их бросают, что они неустойчиво стоят и т. д. Только Ньютон дал другого вида ответ на этот вопрос, найдя *природу* падения тел в земном притяжении. Точно так же на вопрос, почему происходят пожары, можно ответить, что причины данного явления лежат в поджогах, в неосторожном обращении с огнем, в слабой огнеупорности материалов и т. д. Но можно также сказать, что сущность пожара – в быстром химическом соединении углеродистых частей материалов с кислородом воздуха. В этих двух примерах различия в ответах вызваны различием в понимании вопроса, т. е. различием задач исследования.

Вся приведенная выше методологическая аргументация приверженцев трудовой теории ценности относится только к первому, эмпирическому способу исследования и правильна только в приложении к нему. Действительно, если задача исследования сводится к перечислению ряда конкретных причин данного явления, то исследование никогда не может быть полным. Никогда нельзя перечислить все возможные конкретные причины или быть уверенным, что ничего не забыто. При таком положении самым разумным было бы взять самые главные существенные причины, точно определить их характер и вид, их влияния, затем ввести в качестве усложняющего момента другие, второстепенные обстоятельства. Именно так поступают при использовании статистического метода.

Совсем иначе обстоит дело с исследованием *природы* самого явления. Если надо найти во всех наличных обстоятельствах, определяющих данное явление, некий общий момент, лежащий в основе последнего, то исчезает смысл в различиях между главными и второстепенными причинами. Этот общий момент *не может* быть ни главным, ни второстепенным – он может быть только *единым*. *Наступление* его вызвано целым рядом конкретных причин. Но наряду с ним не может уже стоять ничего другого, ограничивающего или усложняющего его действие. Поскольку именно он и составляет то общее всем причинам условие, которое создает данное явление, то в нем уже учтены действия всех возможных причин. Нелепостью является утверждение, что причиной пожара является не только соединение углерода с кислородом, но и поджог или что-либо еще. Химическое соединение вообще не является причиной пожара, и потому его действие не может связываться с действием поджога. Наоборот, поджог только потому приводит к пожару, что состоит из условий, способствующих такому соединению.

Постановка проблемы теории ценности у Маркса отличается от постановки ее у прежних представителей трудовой теории тем, что первая предполагает *абстрактное* исследование природы ценности, вторая – конкретное исследование причин ценности. Рикардо и Смит отвечают на вопрос, в чем заключаются причины, определяющие высоту менового отношения между товарами. Маркс задается вопросом, в чем заключается природа меновой ценности, т. е. как можно объяснить факт приравнивания товаров друг к другу в меновом отношении, какое явление скрыто в свойстве товаров обмениваться друг на друга и составляет сущность последнего?

От постановки вопроса зависит и характер возможного ответа. Для Рикардо и Смита не было противоречий в том, что на вопрос о причинах

высоты менового отношения они отвечали, что причины заключаются, во-первых, в сравнительном количестве труда, во-вторых, в отношении спроса к предложению. Это не было противоречием потому, что задача их исследования была чисто эмпирическая и состояла в наиболее точном перечислении причин, определяющих меновое отношение.

Постановка задачи у Маркса делает такой ответ невозможным. Если речь идет о «субстанции» или «природе» меновой ценности, то перечисление нескольких причин меновой ценности, поиск среди них главных и второстепенных не имеют никакого значения, потому что не дают ответа на вопрос. Вопрос поставлен так, что ожидается абстрактное исследование, т. е. совсем не перечисление причин, а определение основы самого явления. В этом случае необходимо указание на одно и только одно свойство товаров, в котором находится разгадка его меновой ценности. Поэтому если существуют меновые отношения, в основе которых лежит не труд, а что-либо иное, или даже труд, но не только он один, то труд не может служить общей субстанцией или природой ценности.

Следовательно, факт существования рыночных цен не может быть совмещен с трудовой теорией ценности в той абстрактной постановке, которую дал ей Маркс. *Труд не может быть «субстанцией» меновой ценности, если он является фактором, наряду с которым действуют еще другие факторы.* А ведь рыночные цены находятся под влиянием таких факторов. Чтобы отыскать «субстанцию» меновой ценности, надо определить, что общего имеется во всех без исключения частных факторах, влияющих на меновое отношение. То, что этим общим не является труд, ясно само собой. Этот же вывод вытекает из постановки задачи у Маркса.

Если данный вывод долго не делался, то это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, неким мистическим, точно не объяснимым делением меновых отношений на две категории – собственно «меновой ценности» и «рыночных цен» и, во-вторых, непониманием различия между двумя указанными выше способами исследования.

Заметим, что правильность той теории меновой ценности, которая эмпирически считает затраты труда одним из факторов меновой ценности, не подлежит никакому сомнению. Каждый предприниматель знает, что при прочих равных условиях вслед за изменением в производительности труда следует параллельное изменение цены продукта. Но также несомненно, что научное значение такого обобщения является слишком малым.

При исследовании отношений между «рыночными ценами» и «средней ценностью», т. е. при определении значения «спроса и предложения» для меновых отношений между товарами, приверженцы трудовой теории ценности обычно делают еще одну ошибку. Они считают, что «спрос и предложение» – факторы, действующие наряду с фактором «сравнительной затраты труда». Действие «спроса и предложения» суммируется в качестве самостоятельного слагаемого с действием фактора «сравнительной затраты труда». Это и есть типичное эмпирическое объяснение явления путем определения нескольких независимых друг от друга причин, которые его обуславливают. Кроме того, такое объяснение в данном случае совершенно неверно.

Маркс придерживался именно этого объяснения. В работе «К критике политической экономии» он формулирует обычное возражение против трудовой теории ценности, выводимое из факта существования рыночных

цен: «Рыночная цена товаров падает ниже или поднимается выше их меновой стоимости вместе с изменением отношения между спросом и предложением. Поэтому меновая стоимость товаров определяется отношением спроса и предложения, а не содержащимся в этих товарах рабочим временем»⁷. В действительности, отвечает на это Маркс, данный странный вывод только ставит вопрос: как на основе меновой стоимости развивается отличная от нее рыночная цена, или каким образом закон меновой ценности превращается в свою собственную противоположность. «Эта проблема разрешается в учении о конкуренции»⁸.

Надо оставить в стороне «превращение закона меновой ценности в свою собственную противоположность» как злоупотребление фразеологией Гегеля. Тогда мысль Маркса сводится к тому, что при образовании рыночных цен к действию «закона меновой ценности» присоединяется действие другого закона или нескольких законов. А рыночная цена развивается «на основании меновой ценности». В другом месте Маркс выражает свою мысль еще точнее: «Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона, следует объяснять отклонения, а не наоборот – не из отклонений выводить самый закон»⁹. Весь анализ конкуренции сводится у него к доказательству того, что спрос и предложение не являются единственными факторами образования цен, что наряду с ними действует и другой фактор – сравнительное количество затраченного на производство товаров труда.

Как же доказывается это положение? Действие фактора затраты труда, независимого от спроса и предложения, проявляется, по мнению Маркса, в высоте среднего менового отношения, когда прекращается влияние спроса и предложения. «Если спрос и предложение покрываются, то они перестают действовать, и именно потому товары продаются по их рыночной стоимости. Если две силы, равные по величине, действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не действуют вовне, и явления, происходящие при этом условии, должны быть объяснены как-нибудь иначе, а не действием этих двух сил. Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной»¹⁰. «...При двух различных “естественных ценах” одного и того же товара в различное время спрос и предложение могут и даже должны покрывать друг друга, чтобы товар в обоих случаях действительно был продан по его “естественной цене”. Но так как при этом в обоих случаях ничуть не изменяется отношение спроса к предложению, но изменяется величина самой “естественной цены”, то последняя, очевидно, устанавливается независимо от спроса и предложения и потому менее всего может определяться ими»¹¹.

Если бы было верно мнение Маркса, что уравнение спроса и предложения означает вообще прекращение действия обоих этих факторов, то надо было бы считать, что не только средняя ценность, но и вообще никакая цена ими не определяется. Со времен Милля известно, что всякая цена, не только средняя ценность, но и любая рыночная цена, устанавливается путем уравнения спроса и предложения. Поэтому аргумент Маркса можно было бы распространить на все цены. Можно было бы сказать: различ-

ные товары, а также одни и те же товары в разное время имеют различные цены. Но поскольку всякая цена устанавливается уравнением между спросом и предложением, то ясно, что не в этом уравнении лежит причина различия цен. Это различие должно быть объяснено чем-либо другим. Но Маркс не пошел так далеко, он не сделал этого прямого логического вывода из своего аргумента. Это указывает на то, что в самом аргументе Маркса кроется нечто неверное.

Вся эта аргументация не затрагивает собственно учения о конкуренции или о спросе и предложении. Она направлена только против злоупотребления словами «отношение спроса к предложению», которыми наиболее поверхностные экономисты хотели объяснить все. Если вся теория ценности выражается в шести словах: «цена определяется отношением спроса к предложению», то любому ясно, что этим сказано очень мало. Мало, потому что не объяснено, откуда берется различие в ценах различных товаров при одинаковости отношения между спросом и предложением. Следовательно, учение о спросе и предложении предполагает выяснение обоих понятий, без чего, собственно, и нет никакого учения. Лучшие экономисты всегда пытались это делать. Все разработанные теории спроса и предложения искали объяснения различия цен товаров в различиях качественных особенностей спроса и предложения. К подобным теориям аргумент Маркса теряет свою силу.

Можно оставить в стороне то обстоятельство, что понятие «уравнение» есть метафорическое выражение того состояния всех известных под собирательным названием «спроса и предложения» факторов, которые определяют высоту цены. Хотя возможна аналогия между этим состоянием и состоянием уравнивания двух физических тел, все же точка равновесия не может, конечно, вытекать из самого «уравнивания», а должна определяться *качествами уравнивающихся сил*. Этих качеств вполне достаточно для определения точки равновесия, которая не нуждается для своего определения ни в каком другом, постороннем к уравнивающимся силам факторе.

Точно так же обстоит дело и со спросом и предложением. Их уравнение приводит в различных случаях к различным ценам, но не потому, что наряду с ними действуют другие силы, а потому, что уравнивается *различный спрос с различным предложением*.

Это относится вообще ко всем рыночным ценам и в той же мере применимо и к средней меновой ценности. Прежде всего, известно, что «средняя», т. е. «нормальная», ценность есть только абстракция: она обозначает собой ту рыночную цену, вокруг которой колеблются все остальные цены. Фактически существуют только одни рыночные цены. Например, цена тонны муки в 1000 р., если ее рассматривать как приблизительную «среднюю ценность», является такой же «рыночной» ценой, как и цена в 1500 р., и, следовательно, определяется, подобно последней, также уравнением спроса с предложением. Но самое существенное в данном случае, что механизм, влияющий на колебания рыночных цен около «средней» ценности, это тот же самый механизм, который определяет собой и сами рыночные цены, т. е. отношение спроса к предложению.

Сравнительное количество труда действует на цены, повышая и понижая их, только через посредство увеличения и сокращения предложений товаров. Отсюда ясно, как неправы те, кто считает сравнительную затрату

труда, с одной стороны, и спрос и предложение труда, с другой, двумя независимыми факторами, действие которых на высоту меновой ценности складывается подобно действию двух сил.

В действительности спрос и предложение являются универсальным механизмом образования цен. Значение сравнительной затраты труда заключается только в том, что она в определенных случаях воздействует на этот механизм, т. е. определяет величину предложения или спроса. Но значение сравнительной затраты труда совсем не в том, что она сама по себе, независимо от спроса и предложения, действует на сами цены. На сами цены, кроме спроса и предложения и *наряду* с ними, не действуют никакие факторы: все возможные факторы образования цен действуют через посредство спроса и предложения, и действия их *учитываются* в действии последних.

Это и есть указание на то, в чем абстрактное исследование меновой ценности должно искать «субстанцию» меновой ценности. Такая «субстанция» может находиться только в том свойстве товаров, которое имеется у всех них без исключения и является универсальным их признаком. Мы видели, что затраты труда считать таким свойством нельзя. Теперь мы видим, что все блага, обладающие меновой ценностью, имеют одно общее свойство: все они являются объектами спроса и предложения. Следовательно, только за этим свойством может скрываться «субстанция» меновой ценности, которую и должна открыть абстрактная теория ценности.

При этом абстрактная теория не должна ограничиться простой ссылкой на «отношение спроса к предложению», потому что этим ничего не объясняется. Но теория не должна также заниматься перечислением факторов, действующих на механизм спроса и предложения и определяющих его различное действие в различных случаях (одним из таких факторов является сравнительная затрата труда). Этим могло бы заниматься только чисто эмпирическое исследование меновой ценности. Наоборот, теория ценности, соответствующая постановке проблемы меновой ценности у Маркса, должна найти некий *общий* и *единый* момент, исходя из которого она сможет объяснить и само действие механизма спроса и предложения, и различие в его действии в разных случаях.

Таким образом, само существование рыночных цен противоречит теории, признающей труд субстанцией меновой ценности. Прежде мы установили, что труд как условие меновой ценности является лишь частным случаем более широкого условия – относительной редкости благ. Теперь мы видим, что труд является частным случаем другого условия – определенного соотношения между спросом и предложением. Трудовая теория меновой ценности, если по-прежнему предполагать ее в остальных отношениях верной, открыла нам не общее условие меновой ценности как таковой, а лишь один из многих факторов, определяющих высоту *одного вида* меновых отношений между *одной группой* благ.

Следовательно, для экономической истории можно сделать следующие выводы. Для людей и их хозяйственной жизни с самого ее начала и, вероятно, навсегда важны не только изделия, созданные трудом, но и все предметы, имеющие полезность и относительную редкость. При этом ценность предметов определяется через отношение спроса к предложению. В то же время роль труда, явно преувеличенная в теории Маркса, сводится только к одному из факторов, определяющих ценность предметов.

Не меньшую роль в теории и хозяйственной жизни должна играть «природа», таланты отдельных людей и многие другие факторы.

¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т. 2.

² См.: *Страгис Ю. П.* Экономическая история и теория ценности // *Современные экономические системы: Методология исследования и практика функционирования*: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. С. 53–60.

³ См.: *Франк С.* Теория ценности Маркса и ее значение: Крит. этюд. СПб., 1900. С. 32.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1962. Т. 25, ч. 2. С. 172.

⁵ Цит. по: *Франк С.* Теория ценности Маркса... С. 38.

⁶ См.: *Зибер Н. И.* Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях // *Зибер Н. И.* Избранные экономические произведения: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 35–127.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1959. Т. 13. С. 48.

⁸ Там же.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1961. Т. 25, ч. 1. С. 205.

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ Там же. С. 210–211.